

ТРИ БУТЫЛИ

Рассказ

- А ну давай его, хватай под микитки. Сейчас мокнем!
- Дальше, дальше заноси, тут он за дно килем цеплять будет.
- Смотри, смотри, Хохма куда усвистал!
- Стой, Хохма! Приказа брать море не было.
- Да он на охоту за русалками поплыл.

Последний день июля выдался безветренным и довольно теплым. Солнце скрывалось за облаками, но иногда находило маленькую прогалинку, и тогда становилось по-настоящему жарко. Море лениво плескалась вдоль заиленной местами полосы берега. Десяток мужчин купались в прохладной воде Рижского залива. Чуть вдалеке по берегу виднелась перевернутая лодка. Там же на уровне лодки метрах в ста пятидесяти от берега, где начинался лес, стоял добротный дом.

— Янис! Поди сюда! — высунулась из люка голова капитана. — Где он, черт его раздери?

— Да тут я, — неожиданно вовсе не из моря, а из-за соседнего танка появился молодой, скуластый латыш, прозванный однополчанами Мельница за высокий для танкиста рост.

— Янис, тебе спецзадание. Сгоняй до хибары, разживись у земляков тарой пустой. Нужно три бутылки.

— Зачем, капитан? — искренне удивился Янис, прикидывая, что до дома будет метров триста-четырееста.

— Приказ комбрига, ядрена плешь. Принесешь — узнаешь, — миролюбиво рявкнул капитан.

— Михалыч, — обратился капитан к самому старшему из танкистов, только что подошедшему к воде и собиравшемуся раздеться, — пока не разулся, слетай с Янисом за тарой.

— Да клешней тебя за ребра! Только из-под машины вылез, тросик натягивал, а то задняя уже совсем не втыкалась, едрена канифоль. Ополоснуться бы хоть, капитан.

— Потом, потом. Заводи машину. Смотрите там, только хозяев не пугайте. Бутылки чтоб с пробками были, — уже вдогонку им крикнул капитан.

Тридцатьчетверка, на месте дав резкий разворот почти на сто восемьдесят, рванула в направлении хутора, так что Янис, оставшийся на башне, нелепо взмахнул руками и чуть не кувыркнулся с танка.

— Ишь, Мельница — крыльями машет, — добродушно прокомментировал кто-то из танкистов под дружный хохот остальных.

Алексей Панограф родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил ЛПИ им. Калинина, по специальности «механик». Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Аврора» и «ЛиТегатура» и в сборниках рассказов. Живет в Санкт-Петербурге.

8-я гвардейская механизированная бригада, авангард 3-го гвардейского корпуса, накануне ворвалась в небольшой городок Тукумс и разгромила ничего не подозревавших фашистов. За день они сделали марш-бросок от Елгавы и тем обеспечили эффект внезапности.

Основные силы во главе с командиром бригады полковником Кремером остались в Тукумсе. А три танка под командованием капитана Смотрова были отправлены дальше к побережью. Ходом пройдя этот десяток с небольшим километров, три машины уперлись в залив, так и не встретив никого на своем пути.

Последняя неделя выдалась жаркой для всех войск 1-го Прибалтийского. После приезда Василевского в штаб фронта, который был недоволен тем, что прибалтийцы отставали в скорости наступления от 1-го Белорусского, атаковавшего противника южнее, они сильно взвинтили темп. Видимо, вскользь брошенная Василевским фраза, что они своей медлительностью оправдывают название Прибалтийского, сильно зацепила командующего фронтом генерала Баграмяна, и с южным темпераментом он бросил войска вперед. За неделю авангард фронта продвинулся на четыреста километров.

Капитан Смотров, связавшись по радиации с комбригом, доложил, что они вышли к морю, и, получив отеческое поздравление от Кремера, дал разрешение танкистам на отдых. Но тут же вновь был вызван комбригом на связь.

— Вот что, капитан, — сквозь хрипы в наушниках пробивался голос полковника. — Приказ командующего фронтом. Немедленно набрать три бутылки с морской водой из залива. Отправь бутылки с одной машиной ко мне в штаб. Идти полным ходом. И смотри не расплескай. Ясно?

— Понял, товарищ полковник. Ребята только вот устали больно. Одно дело бой, а другое воду возить.

— Ничего, не переломятся. А завтра зато у вас будет день курортного отдыха на море, пока пехота не подойдет.

После доклада командующему фронтом Баграмяну о выходе передового отряда к Рижскому заливу Кремер услышал в ответ:

— Полковник, пака не привезешь вады марской, в Ставке не паверят, что мы к морю вышли. Дастав мне три бутылки вады из Балтики.

Хмурый пожилой латыш молча встретил Яниса и Михалыча в сенях. Когда по-латышски Янис объяснил хозяину, зачем пожаловали, тот, не проронив ни звука, пошел в кладовую.

— Он не за берданкой пошел? — приглушенным голосом спросил Михалыч у Яниса. — А то отольет нам сейчас два по девять, едрить ты в корень, и не видать нам ридной хаты, как Гитлеру Кремля.

Михалыч приотворил дверь, ведущую из сеней в дом, чтобы поглядеть, что там делает хозяин. Тот возился за отгороженной занавеской кладовой. Слышались бульканье и звяканье. Наконец хозяин появился, неся им три пустых бутылки. В нос танкистам ударил до боли родной и всегда желанный запах спирта. Михалыч даже ойкнул:

— Зачем же, едрен батон, опорожнять было утруждаться. Тут уж мы как-нибудь сами бы сподобились.

Янис что-то говорил хозяину по-латышски. А тот все упорно молчал и молчал. Михалыч опрокинул бутылку — пара капель упала на ладонь. Он провел ладонью по губам.

— Ладно, Ян, пошли купаться — море стынет, — разочарованно проговорил Михалыч.

Когда они отошли от дома метров на пять, то услышали негромкий окрик:

— Лацис!

Обернулись. На пороге стоял старик латыш. В руках у него была еще одна бутылка, на этот раз полная. Михалыч вернулся и взял ценный дар.

— Спасибо, отец.

Уже залезая в танк, спросил у Яниса:

— А что он нам крикнул-то?

— Это он тебя по имени назвал — Мишей, точнее, медведем.

— Ишь ты, — отозвался Михалыч, нежно укладывая в инструментальный ящик заветную бутылку. Там среди тряпок и ветоши она была в наиболее безопасном месте.

Первые тяжелые капли дождя упали Михалычу на сапог через открытый люк, когда он лихо подруливал к двум другим тридцатьчетверкам.

Тяжелые капли одиночными выстрелами забарабанили по броне, гулко отдаваясь внутри танков. Вскоре ливень пошел стеной, превратившись внутри машин в сплошной гул. Летний дождь, выплеснувшись за три минуты, прекратился так же неожиданно, как и начался.

— Янис, бутылки раздобыл? — раздался в наушниках у Яна голос капитана Смотрова.

— Так точно, товарищ капитан, три штуки.

— Отлично, младший лейтенант, — похвалил Смотров и после небольшой паузы продолжил: — Хорошо начали — вашему экипажу и заканчивать. Наберите в бутылки воды из моря и отвезите в бригаду полковнику Кремеру. И чтоб без задержек. Да не слишком шумите, кто его знает, куда остатки фрицев из Тукумса шарахнулись.

Когда стрелок-радист Ахмед наполнил бутылки морской водой, Янис аккуратно уложил их в инструментальный ящичек Михалыча.

И понеслись по опаленным долгой войной дорогам бутылки к своей заветной цели — в Ставку ГКО. У Яниса бутылки принял сам Кремер. Хмыкнул:

— Чего ж, товарищ младший лейтенант, она у вас без этикеток? Вдруг паленая водичка. Сознаться, из какой лужи набирал? Что-то мутноватая водица.

— Никак нет, товарищ полковник. Лично в заливе набирал. А что мутная, так перед этим ливень прошел — вот и замутил воду.

Вызвал Кремер своего лейтенанта:

— Серегин, бери мою эмку вместе с Федором и срочно к штабному самолету. Там сейчас под Елгавой на небольшом аэродроме этих бутылей авиация дожидается.

— Есть, товарищ полковник. А в бутылках-то что? Латышский самогон в качестве презента?

— Погоди-ка, — не ответил на вопрос лейтенанта Кремер, а, вынув из планшетки тетрадку, вырвал из нее листок клетчатой бумаги, аккуратно разорвал на три части и размашисто написал что-то на каждом клочке.

— Прицепишь вот по дороге к бутылкам. Этикетки.

Небрежно козырнув, лейтенант Серегин сгреб в охапку бутылки и отправился разыскивать Федора, шофера Кремера, на ходу читая написанные полковником этикетки: «Вода из Рижского залива, близ города Тукумса. 31.07.1944» — и подпись Кремера.

Федор как раз вылезал из эмки, видимо, только что подъехав к зданию горсовета, где расположился штаб бригады.

— Федя, на ловца и зверь бежит. Где тебя черти носят? — скорее для проформы поддел Серегин шофера.

Федор, вздрогнув от неожиданного окрика, что-то поспешно сунул под сиденье и за чем-то стал оправдываться.

— Да я тут недалеко был. Во время нашего штурма у одной вдовицы, квартировавший фриц так быстро драпал, что дверь с петель вынес. Я и поправлял ей маленько, чтоб не сквозило.

— Ну, насмешил, Федя. Знаем мы, чего ты вдовам вправляешь. Сквознячок, говоришь? Давай заводи колымагу. Поедем проветримся.

— Лейтенант, мне давно карбюратор перебрать надо, а то на холостых чихает и глохнет.

— А на женатых что, кашляет? Приказ комбрига не обсуждается. Да, возьми у меня наконец эту святую воду, будь она неладна. Пристрой под сиденьем, чтоб не разбилась.

И понеслась ценная бандероль такой вот военно-полевой почтой дальше.

Возле избушки на краю летного поля, расположив на пустой бочке из-под керосина выдавшие виды шахматы, сидели, подперев головы и устремив взгляды на доску, майор Чепчерук и капитан Шелухин. Из окна избушки высунулась голова старшины Васина, приставленного к скудному хозяйству аэродрома, с которого еще совсем недавно поднимались в небо немецкие «мессеры» и «юнкерсы»:

— Майор, Москва на проводе.

— Чего разорался? Какая, к ядреной фене, Москва? А мы вот так коника, ам!

— Правда, майор, Вас Москва вызывает.

— Ты свои шутки для салаг побереги. Не мешай вражескую армию громить. Шах!

— Товарищ майор, разрешите обратиться, вас к телефону.

— Тьфу, зараза, так чего ж ты молчишь, как партизан в гестапо. Тащи аппарат.

— Дак провод не дотягивается. Вы бы уж лучше подошли, поторопились.

Через минуту майор Чепчерук вернулся к шахматной доске:

— Ну что, капитан, здесь у тебя шансов нет. Давай-ка лучше по новой на козырный интерес. Проигравший летит в Москву с ценной бандеролью. Усек?

— А выигравший?

— На сеновале вдыхает аромат истосковавшейся по мужской ласке хозяйки ближайшего хутора.

Когда к избушке выскочила с неприметной лесной дороги эмка, капитан Шелухин прохаживался, довольно потягиваясь, а майор Чепчерук сидел, напряженно склонившись над доской и обхватив голову двумя руками.

— Так ты в ферзи по правому флангу прорываешься, а если я так хожу, то ладья летит. Вот черт — цугцванг получается.

— Еще и с цейтнотом вместе, — хохотнул довольный близкой победой Шелухин, — вон она, посылочка, явилась, не запылилась.

— Слышь, Федор, мы никак по ошибке к гансам зарулили. Речь-то улавливаешь какая: цугцванги с цейтнотами? Давай по ним всю обойму, пока они хэндэ хох не закрычали, — вылезая из машины, пошутил Серегин.

Раздосадованный близким поражением Чепчерук решил осадить обнаглевшего штабного.

— Лейтенант, приведите себя в порядок в ближайшем лесочке, а потом доложите по форме, кто и зачем прибыл на стратегический объект.

— Ладно, майор, я от полковника Кремера... — начал Серегин.

— Ты что, лейтенант, не понял?! — рывкнул Чепчерук. — Здесь особо охраняемый объект. Сейчас сдам тебя под арест.

— Слушаюсь, товарищ майор, — поняв серьезность капитана, сменил тон Серегин. — Лейтенант Серегин из штаба Восьмой гвардейской механизированной бригады прибыл по приказанию полковника Кремера. Разрешите доложить?

— Ремень поправь и докладывай, — с ленцой ответил ему Чепчерук.

— Доставил три бутылки с водой из Рижского залива для срочной переброски в Москву в Ставку Главнокомандующего.

В этот момент старшина опять высунулся в окно:

— Товарищ майор, вас опять к аппарату.

Выходя из избушки и на ходу надевая летный шлем, Чепчерук бросил лейтенанту:

— Ну, где ваша вода?

— Повезло тебе, Леха, — обратился он к Шелухину, — будет у тебя сегодня еще один шанс провести атаку на челочку. Не забудь — с брюха заходи. А чего вода-то такая мутная, что твоя горилка?

— Чертей из моря гнали, веревкой воду мутили, — отшутился Серегин.

Но Чепчерук уже не слушал его, а бодро шагал к «мишане» (так он называл свой МиГ-3). Когда забрался на крыло, то обнаружил в кабине механика Сидорчука. Неестественно запрокинув голову, тот выводил рулады носоглоткой.

— Сидорчук! Воздух! — гаркнул у спящего механика над ухом майор.

Тот встрепенулся и осоловело стал осматриваться по сторонам.

— Ну шо, ридна хата, жинка да горилка с салом снились.

— Ага, товарищ майор. Я тут у вас полозья фонаря поправлял, а то сами жаловались, что заедает, и закемарил малеха.

— Ну, давай освобождай помещение. Да осторожней с крыла прыгай, там в траве ценный груз. Увидал? Ну, подавай их мне сюда.

— Вы чего, на вечеринку никак собрались, товарищ майор? С таким-то грузом? — подавая Чепчеруку бутылки, говорил Сидорчук. И запоздало вспомнил, что забыл под сиденьем самолета свою заветную бутылку, которую он выменял у старого Дайниса на банку тушенки. Старик Дайнис жил на окраине Елгавы и делал свой маленький бизнес на самогонке как с немцами, так и с недавно пришедшими советскими солдатами.

— Давай, Сидорчук, заводи. Некогда мне с тобой лясы точить.

— А когда назад-то, товарищ майор? — забеспокоился Сидорчук о своей бутылке.

— Глазом моргнуть не успеешь. Я мухой туда и сразу обратно. Не соскучишься.

В Ставке ГКО шло заседание, когда в зал, тихонько постучавшись, вошел адъютант, неся на подносе три бутылки.

— У нас ужэ эсть графин с вадой. Или вы нам пакрепчэ принэсли? — обратился к вошедшему Сталин.

— Товарищ Сталин, разрешите объяснить, — встал со своего места Василевский.

— А что тут абьяснять, таварищ Василевский, самагон — он и в Африке самагон, — держа в руках одну из бутылей, усмехнулся в усы Сталин. — Да тут и этикетка имеется: «Вада из Рижского залива, близ города Тукумса. 31.07.1944» — и подпись неразборчивая, да еще и смазанная.

Адъютант при этих словах едва заметно покраснел, потому что подпись смазал он, когда за минуту до этого наклеивал на бутылки бумажки, переданные ему вместе с ценным грузом.

— Товарищ Сталин, выйдя к Рижскому заливу, силами Первого Прибалтийского фронта наши войска полностью отрезали немецкую группу армии «Север» от группы армии «Центр», тем самым закрыв частям Фриснера пути отступления по суше.

— Эта очен харашо, таварищи, — сказал Сталин. — Пачему только вада такая мутная? Наверно, эта фашисты намутили. Видитэ, таварищи, какие чистки нам еще предстоит павсеместно.

В тот же вечер в трех различных уголках Латвии: на берегу Рижского залива, на небольшом аэродроме близь Елгавы и в центре Тукумса — три советских воина: механик-водитель танка Т-34 Михалыч, авиационный механик Сидорчук и шофер полковника Кремера — практически одновременно достали: один из инструментального ящика танка Т-34, другой из вернувшегося на маленький аэродром самолета МиГ-3, третий из-под сиденья эмки — свои заветные бутылки, чтобы провести приятный вечер, попивая самогон латышского производства.

Троекратно разнеслось по небольшой прибалтийской республике крепкое русское словцо, когда вместо приятного обжигающего вкуса первача все трое ощутили в горле противный солоноватый вкус Балтийского моря.

А три бутылки первоклассного самогона долго еще стояли в ставке ГКО, отлично закамуфлированные этикетками с надписью: «Вода из Рижского залива, близ города Тукумса. 31.07.1944». Дальнейшая их судьба осталась неизвестной.

P. S. Историческая справка

Отряд, в который вошла мотострелковая рота, усиленная тремя танками и двумя самоходно-артиллерийскими установками, артиллерийской и минометной батареями и взводом саперов, под командованием капитана В. Н. Смотровя продолжал наступать к Рижскому заливу. Утром 31 июля командир бригады по радио донес в штаб корпуса: «Мы на берегу Рижского залива».

Выход 8-й гвардейской механизированной бригады на побережье Рижского залива имел исключительно важное военно-политическое значение: прибалтийская группировка противника была отрезана от остальных сил. Командир корпуса доложил в штаб фронта о выходе к заливу. Донесение оказалось неожиданным, и командор вынужден был доложить о положении соединений еще раз, а командование бригады получило следующее распоряжение:

«Набрать в море три бутылки морской воды. Бутылки опечатать, а командиру лично расписаться на них, что вода действительно взята из Балтийского моря. Бутылки с водой направить в штаб корпуса».

Приказ был выполнен. Морская вода на самолете была отправлена в штаб фронта, а оттуда в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования. На ближайшем заседании Государственного Комитета Обороны морская вода стояла на столе как вещественное доказательство выхода танкистов к Рижскому заливу.

За отличные боевые действия, героизм, мужество и отвагу многие воины бригады были награждены орденами, а командиру бригады полковнику С. Д. Кремеру присвоено звание Героя Советского Союза.